

Татьяна Бокова

Я влюбилась в четверг

♥ Принцы без сердца

Любовная лирика Татьяны Боковой

Татьяна Бокова

**Я влюбилась в четверг.
Принцы без сердца**

«Татьяна Бокова»

2019

Бокова Т. В.

Я влюбилась в четверг. Принцы без сердца / Т. В. Бокова —
«Татьяна Бокова», 2019 — (Любовная лирика Татьяны Боковой)

Принцы без сердца. Всё начинается с мужчин. Книга 1. Где отыскать свою «вторую половинку» в толпе прЫнцев? Как побеждать одиночество, дожидаясь настоящей любви? Это любовно-детективное повествование автор пережил сердцем, переосмыслив отношение к себе и тем, кто вокруг. Так родилась и главная приятная добавка к сюжету, которую приготовила Татьяна Бокова - это россыпь оригинальных жизненных советов и ярких авторских афоризмов, украшающая текст этой казалось бы незамысловатой истории; душевные стихи о любви и откровенные ответы на каверзные вопросы о ежедневной будничной жизни современницы. Написав эту историю, автор влюбилась. С ее легкой руки этот волшебный четверг может и для вас наступить уже завтра.

Содержание

Часть II	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Татьяна Бокова

Я влюбилась в четверг. Принцы без сердца

...Оригинальные жизненные советы, откровенные размышления о самом сокровенном, ирония, задающая позитивный настрой книги...

Читайте исповедь одной из Вас, уважаемые современницы.

Автор знает, о чем пишет.

Современные женщины. Такие разные...

Издерганная жизнью интеллектуалка, напористая, жесткая бизнес-леди, Разведенная «вечная девочка»...

Тихоня, всегда готовая выслушать и утешить...

Современные женщины. Такие похожие...

Каждая ищет самую короткую дорогу к счастью.

Каждая хочет стать ЛЮБИМОЙ и навсегда забыть слово «ОДИНОЧЕСТВО»!

КАК?! А ЭТО УЖЕ КАЖДАЯ РЕШАЕТ САМА!

Пробежаться дай по лужам

В брызгах ласк твоих!..

Очень нужен нашим душам

Дождик... Для двоих...

...Не сравнится серебро,

не сравнится золото

с тем, что создано добром

и любовью соткано...

Спасибо Ему за то, что...

я влюбилась в четверг.

Татьяна Бокова

Часть II

ПрЫнц точка ру

...Где-то недалеко, совсем-совсем рядом зачем-то стучали молотком. Тук-тук! Тюк-тюк... Равномерному вдальблыванию чего-то во что-то еще, помимо моей и так раскалывающейся головы, безостановочно вторило раскатистое рычание... Рrrrrr...

Бrrрээээмс... Что-то откуда-то упало и рассыпалось, а мое сердце с перепугу застучало с удвоенной скоростью... Это же в каких невыносимых условиях приходится спать мне – бедной, уставшей с дороги лягушке-путешественнице!

...Наконец застрявшая на крутом подъеме машина с сумасшедшим ревом все-таки выехала на плоскую поверхность моей руки и, набирая скорость, весело помчалась по направлению к шее, круто развернувшись в районе плеча, тормозя и взвизгивая от удовольствия, зацепилась за ткань ночной рубашки, но все-таки вырулила на бескрайние просторы моей несчастной спины и выгрузила деревянные кубики с острыми, между прочим, углами прямо на позвоночник между лопатками.

Все. Сейчас я поймаю этого оголтелого строителя и уж точно на вечные времена отниму у него лицензию на всякое строительство по утрам!

С криками «Брысь, кому говорю! Щас я тебе!» я вскочила, сбрасывая с себя кубики, железный грузовик, одеяло и одиннадцатилетнего дылду-сына заодно.

Пашка тихонько ойкнул. Сморщился.

– Миленький! Синочка! Прости, я забыла, ты у нас раненый! – тут же сменив гнев на милость, запричитала я, бросаясь к нему с нежностями. – Как ты?

– Я? Молодцом! – ответил сынишка, с гордостью перечисляя: – Подбит глаз. Поцарапаны щека, ухо и подбородок. На голове три шишки... Это все из-за шапки... Я тебе говорил, она дурацкая, на лоб сваливается!.. Еду, еду! Бац! Ничего не вижу!.. Во! Смотри! И растяжение руки, – удовлетворенно добавил он и поправил марлевую повязку.

– Хорошо, что не головы... – улыбнулась я, поворачивая сына, как куклу, туда-сюда и тщательно изучая оказавшиеся не такими уж страшными результаты его падения с санок. – Смотри, а у меня тоже шишка есть...

...На кухне суежилась моя мама, искрящаяся от гордости за кулинарное произведение своих рук. Не знаю, как выносили соседи по дачному поселку исходящий из всех щелей нашего деревянного сруба божественный аромат настоящего русского дрожжевого теста, непременно используемого ею при изготовлении итальянского блюда, но нас с Пашкой после завтрака роскошной домашней пиццей надо было точно выносить из-за стола.

На пухленькой, но прожаренной снизу и соблазнительно хрустящей подложке были рассыпаны ровненькие кирпичики ветчины, копченой и вареной колбаски, кругленькие колесики сосисок, аккуратные ломтики красного и желтого сладкого перца, черные и зеленые половинки оливок и маслин. Вся эта сдобренная томатным соусом, сочная и ароматная роскошь лежала тесно, в несколько толстых плотных слоев, местами образуя настоящие горы, была прочно схвачена огромным количеством расплавленной сырной мякоти и при этом таяла во рту, заставляя жующего мычать от удовольствия.

На улице осень боролась с зимой, дождь со снегом, а в доме было тепло и уютно, и, главное, вся семья была в сборе, и никто никуда сегодня идти не собирался. Ура! Вот оно – обширное поле для решительных действий по распространению скопившегося во мне тепла и нерастраченной нежной заботы.

Я перемещалась по дому, от одного члена семьи к другому, выпуская во все стороны волны своей любви. Мне так хотелось порадовать всех, показать родным, как они важны для

меня – немедленно, тут же, сейчас, сразу! «Возлюби ближнего своего, как себя самого» – убеждали друг друга еще наши прапрадеды, теперь и я хотела внести свою решительную лепту в реализацию на практике их древнего совета!

Соль! Соль! Да здравствует семья! Пусть эта нота зазвучит громко и продолжительно, ведь она – тоника в мелодии моей жизни!!!

...Я то и дело заглядывала к сыну, спрашивая, не надо ли ему чего, предлагала погулять, поговорить, почитать, но Павел был занят своими делами и отмахивался. Я уговаривала маму предоставить кухню на мое растерзание, но она сама хотела порадовать нас праздничным обедом по случаю моего возвращения и Пашкиного скорейшего выздоровления.

Жизнь в доме по-прежнему текла своим чередом, никак не желая подлаживаться под меня, и каждый жил по своему распорядку, как бы старательно я ни мешалась под ногами. Эй! Ну заметьте же, что я здесь, я к вашим услугам. Дайте же мне угодить вам!!!

Я была дома. Дома, а как будто в гостях.

Напевая себе под нос двусмысленную дурацкую песенку: «Какой прекрасный день, какой прекрасный пень...» – вместо замечательной по звучанию мелодии своей жизни, я побродила по коридорам, изучая рисунок сосновой вагонки, послонялась по комнатам и постучалась в святая святых...

Отец полулежал на диване, ничем не укрывшись, хотя в его комнате было очень прохладно, и читал толстую книгу.

– Что? «Держи душу в строгости, а мозги в холоде, чтобы они телу лениться не давали»? – выпалила я на одном дыхании любимую папину поговорку.

Он оторвался от книги и с нежностью взглянул на меня. Ободренная его искренним радушием, я подошла, укутала его ноги пледом, присела рядом с ним и затаилась, клятвенно пообещав себе молчать и ничего не делать, чтобы хоть на этот раз не почувствовать свою неуклюжесть. Я молчала и только гладила папу по руке время от времени. Через десять минут он не выдержал и скинул с себя плед. Естественно, он всегда был человеком горячим, а я чего ждала?

– Фу... Спасибо за заботу, конечно...

– Вот, зажарить тебя решила... Ты же любишь создавать своему телу какие-нибудь экстремальные условия?.. – пошутила я.

– Да. Люблю. Но стараюсь не отдавать другим великую радость поэкспериментировать над собой, – ответил папа звучно, словно римский трибун. – Жизнь, Наташенька, – это процесс исследования самого себя, и хотя результат заранее известен, но процесс так увлекателен. – Он подумал и добавил уже без особого энтузиазма: – Конечно, на начальных этапах в основном, ну да ладно...

– Так выпьем же за длинную жизненную дистанцию, чтобы подольше не выходить на финишную прямую! – пробормотала я, и мы снова замолчали.

Выдержав еще несколько минут моего настойчивого присутствия, папа снова вздохнул, снял очки и отложил книгу в сторону:

– Ну все. Что случилось? Давай рассказывай.

– Ничего. Все хорошо.

– Когда тебе хорошо, ты порхаешь где-то в другом месте. Тебе некогда слоняться по дому из комнаты в комнату, сидеть вот так. Давай говори, я слушаю.

– Да нечего говорить, папуль. Я просто соскучилась. Вот думаю продлить отпуск еще на пару недель. Побывать тут у вас. С вами... На даче...

– У тебя проблемы на работе?

– Да нет.

– Значит, на личном фронте?

– Нет! – засмеялась я. – Личных проблем нет ВА-А-ЩЕ!

– Если в жизни свободной молодой женщины исчезают проблемы на личном фронте, значит, этот фронт переключался к подруге... – задумчиво играя дужками очков, сказал отец.

Я отрицательно покачала головой.

– Нет? А что же тогда? Если бы твой мистер «Личный фронт» решил вдруг стать мистером «Надежным тылом», ты скорее всего познакомила бы нас, чего пока не произошло...

– Точно, пап. Тыл. Фронт. Ты прав, это война... – подумав, кивнула я. – И я не хочу больше в ней участвовать. Даже как сестра милосердия...

– Э-э-э... А ты говоришь, ничего не случилось, – сочувственно вздохнул папа. – Девочка моя...

Началось!

– Не надо, ну что ты меня жалеешь?..

– Я не жалею, я люблю тебя. Я так хочу, чтобы ты научилась быть счастливой!

– Никто не знает, как это... И не надо меня переубеждать...

– Ты ошибаешься... – не обращая внимания на мой протест, продолжил отец. – Всем все давным-давно известно. Либо умей быть счастливым тем, что имеешь... Либо меняй что-то в своей жизни, чтобы то, что у тебя есть... семья ли, работа ли любимая, общение с друзьями, творчество твое – что-то из этого должно приносить тебе радость. Главное, не быть несчастной, Наташенька, девочка моя!

– Я счастлива! Как никогда! Честное слово! – упиралась я, барабанила себя в грудь кулаком, как самодовольный орангутанг, но папа продолжал гнуть свою линию и нежно приглаживал мои волосы, невзирая на торчащую на затылке новую заколку, которую его руке то и дело приходилось огибать то справа, то слева.

– Люди несчастны оттого, что хотят больше, чем имеют... Либо оттого, что не могут достичь того, чего хотят. Ты-то от чего? Как думаешь?

Я промолчала.

– Все у тебя хорошо, и воевать тебе не с кем, слышишь? Но ты не можешь просто жить. Ты, бедная, решила сама себе войну объявить... Сама пушки заряжаешь, сама от собственных снарядов в окопы зарываешься... Вон, я же вижу, все утро сама не своя ходишь...

– Ну что я сейчас-то делаю не так? Пришла вот к тебе, сижу, молчу... В семье, с вами... Я говорю: я счастлива... Только не знаю, как тебя убедить! Зачем ты меня о личных проблемах расспрашиваешь, когда их просто нет? Что, у меня на лице, как на коробочке йогурта, просроченная дата стоит и меня больше никто никогда не купит? – Я хотела промолчать, но не смогла.

– Наоборот, ты у меня красавица, умница...

– Отлично, значит, Бог забыл поставить на меня срок годности. Чего ты тогда переживаешь?

– Вижу, что-то произошло, что-то не так.

– Подожди, скоро я начну тебя радовать. Дай мне время. – Я напустила тумана загадочности и решительно встала. Помедлила, постояла.

Мне так захотелось рассказать папе о мелодии жизни, которую я уже начала выстраивать! Так захотелось похвастаться своими успехами в обуздании своей души! Но я не смогла... Страшно! Даже любимому отцу страшно открывать себя настолько. А вдруг мне только кажется, что я сформулировала какой-то важный жизненный закон, а отец разобьет ненароком одной своей умной мыслью всю мою выстроенную логическую цепочку, и я останусь снова ни с чем? Лучше жить под сенью воображаемого закона, чем совсем без него!..

Да и рано. Рано еще делиться своими выводами. На сегодняшний момент мой новоиспеченный Закон семи нот, из которых человек сочиняет мелодию своей судьбы – лишь хорошая мысль, которую надо бы как-то применить на практике. Пока же я только неуклюже расталкиваю локтями своих близких, чтобы вписаться в домашнее пространство на равных с остальными, и богатею приятными мечтами да умными мыслями.

– Пожалуй, и правда, возьми отпуск. Побудь дома... – тихо произнес отец, провожая меня встревоженным взглядом мудрых глаз, и я неопределенно кивнула, удаляясь.

«Я докажу ему! Я докажу всем! Всем!» – твердила я, направляясь на поиски срочного утешения. Я чувствовала себя маленькой девочкой, которая уже хочет стать отличницей, но еще не получила ни одной пятерки.

Эй, скажите мне кто-нибудь, что все будет хорошо!

В это время моя приятельница Алла Савинова вышла из полицейского участка в центре туристической зоны города Лимасола, немного постояла на пороге, будто принимала какое-то решение, спрятала задумчивые глаза под дорогими затемненными стеклами очков и пошла куда-то пешком, удаляясь от своей переливающейся на солнце «бээмвухи», припаркованной, как и заведено на острове Кипр, в максимально возможной близости от дверей.

Она прошла через мост и свернула с основной дороги направо, туда, где в тупике у самого моря по-прежнему стояла гостиница «Мирамар», покинутая мной впопыхах всего сутки назад.

Высокая худая русская, одетая в серый строгий деловой костюм, состоящий из приталенного пиджачка с короткими рукавами и юбочки намного выше коленок, она привлекала к себе внимание водителей всех проезжающих мимо автомобилей, потому что не привыкли они видеть в этих местах ничего, кроме футболок, шорт, пляжных сланцев и всевозможных головных уборов, едва прикрывающих пережаренные тела отдыхающих со всего света. Но Алла шла, углубленная в свои мысли, и не замечала вокруг ничего, равнодушно пробираясь сквозь баррикады выставленных прямо на улице стендов с недорогими безделушками и разными мелочами, заманивающих туристов за покупками в просторные ангары сувенирных магазинчиков.

Только что, предъявив все свои документы, говорящие о ее длительном и абсолютно легальном пребывании на острове, используя максимум женского обаяния и ссылаясь на то, что у разбившегося насмерть Костаса Касулидиса находились принадлежащие ей документы, Алле удалось выудить из полицейских информацию, которая могла оказаться важной. Очень пухлый и шершавый на ощупь бежевый конверт, который она лично передала Касулидису, при осмотре места вчерашней аварии, машины и тела погибшего Костаса Касулидиса найден НЕ БЫЛ!

Вчера, за полчаса до своей трагической кончины, самый известный на Кипре адвокат *был* у Аллочки в доме, на вечеринке в честь дня рождения Натальи Лапушкиной, гостившей на острове. Он *положил* во внутренний карман своего пиджака письмо, которое заезжая москвичка привезла для него от Алексея Крапивина, одного из его русских клиентов. Все это точно случилось, а на следующее утро – нет в живых Касулидиса и будто не было никакого конверта?..

В размеренную, скучную райскую жизнь на острове вкралась интрига, и Алла чувствовала важность своей миссии. Вот сейчас она подойдет к стойке регистрации гостей отеля «Мирамар», и ей выдадут другой конверт, кажется, голубого цвета.

– Да, да! Одну минуту! Действительно, есть у нас одна забытая вещь из номера 432.

Девушка удалилась, а Савинова мысленно представила, как будет сейчас звонить в Москву и Наташка, сгорая от нетерпения, позволит ей разорвать голубую бумагу, чтобы раскрыть загадку Лешкиного другого письма – того, что в голубом конверте.

– Номер 432? Мадам проживала у нас два дня вместо оплаченных семи, и теперь у нее есть кредит в нашем отеле. Госпожа Наталё Лапошкина? Все верно? – неправильно расставляя ударения в трудных для нее имени и фамилии, уточнила молодая киприотка, заметив, что ее собеседница непонимающе рассматривает зажималку, которую она ей протягивала. На серебряной поверхности изящной вязью были выгравированы чьи-то инициалы «А. К.».

Кто такой «А. К.»? И где голубой конверт, который Лапушкина сказала, что в спешке оставила в отеле?

– Вы уверены, что мадам забыла именно это?.. – сомневалась Алла.

– Да, да. Конечно. Мы проверяем номера после каждого постояльца. Эту красивую вещь оставила мадам Лапóшкина.

– Что ж, спасибо. – Алла взяла наконец то, что ей предлагали, и полезла за кошельком, чтобы отблагодарить девушку за оказанную услугу.

– Спасибо. Я передам эти деньги горничной, – хитро улыбаясь, произнесла сотрудница гостиницы. – Там вверх дном все перевернуто было, вы, русские, погулять любите...

– Да, да... Конечно, – пробормотала Алла, не обращая внимания на сказанное. Она пошла к выходу, но среагировала все-таки, обернулась и подняла руку, привлекая внимание удаляющейся сотрудницы гостиницы. – Извините! Вы сказали, что в номере было все перевернуто?

– Да. – Девушка изобразила руками кавардак и добавила словами, кривясь в улыбке: – Пришлось убираться очень долго и тщательно...

– Странно... Но она мне ничего не говорила! Я бы знала, если... – Алла покачала головой, оправдываясь, но ледяная гримаса киприотки с каждым мгновением становилась все «любезнее».

– После отъезда мадам в номер никто не входил... Только она. И мужчина...

– Что вы так улыбаетесь? – ошетибилась Савинова. – Горничной заплачено, и за номер тоже. Есть еще какой-то ущерб, который надо возместить?

– Нет. Спасибо. Мне надо идти, – перепугалась служащая гостиницы.

– Вот и идите. Ко всем... – выпалила Алла по-русски, с чувством, и сама пошла вон.

Обойдя весь дом еще раз, как тигрица, загнанная в клетку, в поисках лазейки на свободу, я села к телевизору со свежим номером журнальчика «Остров женщин» на коленках. По одному каналу никак не заканчивался сериал, где женщины сплетничали о мужчинах, по другому шло дневное женское ток-шоу о тех самоотверженных, у которых мужья алкоголики, по третьему и четвертому – реклама шампуня и краски для волос. Да от такой жизни хочется наголо подстричься, напиться до чертиков и телевизор из окна выбросить!..

Когда зазвонил телефон, я как раз выключила «дурманный ящик» и собиралась почитать очередную статью моей приятельницы-журналистки Таньки Сметаниной.

– Алло...

– Долетела? Как дела? Как сын? Родители? – Это была Алла Савинова. Вяло, но конкретно она перечислила все свои вопросы разом.

– Все в порядке с ними. Слава Богу! У сына царапины, синяки... Ничего страшного... А как тебе заголовок новой статьи Танюхи Сметаниной: «За мужчинами в лес по грибы. Как отличить съедобный экземпляр от несъедобного»?

– Ужас. Никогда не произноси такое вслух. У стен тоже уши есть. Что они подумают?

– Кто, уши?

– Нет, стены...

Мы помолчали. Каждая думала о своем.

Я первой решила поддержать разговор.

– Вот... Брожу по дому в поисках самой себя. Никак не переварю кипрские приключения. Хотела просто отдохнуть недельку, на пляже поваляться, заодно день рождения по-тихому отпраздновать, а тут... Сплошные удары судьбы...

– Неправда. Какую вечеринку я в честь твоего тридцатитрехлетия закатаю!

– Отличную... Если бы еще Костас Касулидис вернулся с нее домой...

– Да ладно. А твое свидание с любовью всей жизни господином Круатье чего стоило? Француз. Банкир. Мужчина-сказка. Ах!... – нарочито восторженно разохалась Аллочка, игнорируя мой траурный тон.

– Не трогай Филиппа! Ты ж сама ему сказала, что я приеду!... – буркнула я еще раздраженнее. Разговор явно не клеился.

– Он достал меня! – пожаловалась Алла равнодушно. Голос ее снова был сухим, отсутствующим. – Звонит из своего Парижа, вроде по делу, а сам выпрашивает: «Когда Наташка приедет? Когда она на Кипре будет?» На этот раз твой Филиппок за приятную новость о твоём местонахождении ящик французского шампанского мне пообещал... Как было не продать тебя при таких обстоятельствах?

Алла явно вредничала, как будто это я позвонила ей не вовремя и теперь заставляла ее разговаривать насильно. Неужели опять что-то случилось? Я знала эту ее привычку: сталкиваясь с какими-то проблемами, Алла переставала слышать окружающих, хотя и умудрялась поддерживать с ними разговор. Давая ей время на обдумывание, я продолжала говорить сама:

– Бог с ним, с Филиппом... Я рада, что мы снова увиделись. Попрощались... – Я решила не ссориться. Наоборот, сейчас мне был необходим совет разумной Аллы. – Савинова, меня другая проблема беспокоит... Я пока летела домой – в аэропорту, в самолете – все думала, переживала... Ругала себя, что с утра до вечера на работе... Родители с Пашкой возятся, а меня не видят совсем. Я после развода вообще сыну мало времени уделяю. Ему с горы свалиться надо было, чтобы я все бросила, раньше времени с Кипра прилетела, на даче застряла.

– Ммм... – послышалось на том конце провода.

– Алла, послушай! Это серьезно. Я решила все исправить. Хожу по дому, окружаю всех вниманием, стараюсь показать им свою любовь... Но, понимаешь, меня тут нет НИГДЕ! Я не впи-сы-ва-юсь! Когда-то успела в ГОСТЯ для своих... превратиться. Для Пашки – подруга. Для папы и мамы – маленькая дочка. Хочу обратно в семью, в качестве равноправного ассоциированного члена, а как это сделать – не знаю...

– Дети для родителей всегда дети, а для детей родитель тот, кто с ним живет каждый день, – пошевелила языком Алла, наконец оживляясь. Кажется, я выскребывала ее из раковины. – Потом, что плохого, что ты для сына подруга? Лучше, чем какая-нибудь злючка френкен Бок... Знаешь, отвыкли вы друг от друга просто. Подзабыли, как общаться... Знакомься со своими близкими заново. Только не со всеми сразу, а по одному...

– Как это? В комнату к себе, что ли, зазывать, на стул сажать? Свет лампы – в лицо? – Я явно раскручивала подругу на очередной рецепт счастливой жизни от Савиновой и оказалась права. Алла взяла и брякнула тем же безжизненным голосом:

– Отправь-ка ты своих родителей отдохнуть на недельку куда-нибудь и займись изучением сына... Много интересного, между прочим, узнаешь... И родителям угодишь.

– Опа! А ведь это идея... – неожиданно дошло до меня. Как это легко и непринужденно у нее получается! Молчала, молчала, а потом взяла и попала в десятку, кажется! Как ни примеряла я к себе ее совет, не возникало на его ткани ни одной складочки, он явно приходился мне точно впору, словно был сшит по моим персональным меркам.

– Господи, да я сейчас лопну от собственной значимости... – лениво протянула подруга. – Если бы еще верить, что ты сделаешь это.

– Клянусь румянцем на своих щеках! – заверила я, значительно повеселев. – Ну что? Мою проблему решили, переходим к твоей. Так что ты мне сказать хочешь?

– Ничего хорошего, если честно... Догадливая какая... Очередная порция странных новостей, касающихся тебя прежде всего. Кто-то после твоего отъезда перевернул твой номер в гостинице вверх дном, и этот кто-то обронил там необычную серебряную зажигалку с выгравированными на ней инициалами «А. К.». Кто такой «А. К.» и что он искал? Неужели голубой конверт, который ты потеряла?

– Н-нет... Конверт я не теряла. Он на дне рюкзака лежал. А... а потом, уже дома, он выпал, и я его нашла. Забыла тебе сказать, извини. Не знаю, кто обронил зажигалку... Может, вор?

– У тебя из вещей пропало что-то?

– Н-нет... – неуверенно предположила я.

– Значит, говоришь, зажигалка не твоя. Понятно. Натусь, а может, она в голубом конверте лежала тихонько, ну, например, как подарок от Лешки, а потом выпала оттуда раньше времени?

– Алла, не надо со мной – как с полной дурехой... – обиделась я.

– Ладно, – вздохнула Савинова, но не успокоилась. – Понимаешь, это может быть Лешкина зажигалка. Алексей Крапивин – «А. К.».

Я промывчала что-то несурзное, совсем не зная, как быть.

– Наташа, надо узнать у него! – настаивала Аллочка. – Позвони, спроси. И конверт открой в конце концов, да? Вдруг там ответы на все наши вопросы.

– Ага. Энциклопедия для почемучек.

– Звони, говорю. Не умничай.

Легко скомандовать «звони», но в мои-то ближайшие планы совсем не входило общение с бывшим бойфрендом, от которого можно было ожидать еще и других каких-нибудь непредвиденных сюрпризов. Что спросить у него? Как спросить? Вдруг это он за мной слежку установил? (Господи, что я несу?)

«Кому, собственно, если не ему, брошенному в прошлую субботу, хотелось бы знать, что сбежавшая от него на Кипр любимая женщина там делать будет?» – настаивала Вредность, переполнявшая меня. Или это был Здравый Смысл? Как бы их различать научиться?

...Я откладывала и откладывала на потом этот звонок в надежде, что активная Алла сама разужнает что-то как-то где-то и мне не придется участвовать в затеянном ею расследовании по уже и так раздутому, как воздушный шарик, поводу. Нет, ну какая еще зажигалка? И какая связь у этой вещи с обычным воровством из гостиничного номера, пусть и нетипичным преступлением для мирного острова Кипр?

И все же неприятный осадок оставался, и я боролась с ним весь день, резво и увлеченно организовывая поездку мамы и папы к ржавой башне. Я хлопотала и нервничала с превеликим удовольствием, заказывала билеты, выбирала для них гостиницу, лучшие экскурсии и вечером уже смогла преподнести двухнедельный тур в Париж своим родителям в качестве полностью готового подарка в обертке и с бантиком.

«Вот... Вот... Сейчас!» – предвкушала я их восторг, вглядываясь в застывшие в изумлении лица родных. Они переглянулись, сделали друг другу несколько каких-то жестов, помолчали, опять пообщались глазами, и только спустя долгую минуту я услышала вердикт Верховного Суда своей семьи.

– Хорошо. Мы поедem, – обнимая меня за плечи, сказала мама.

– Хотя нам этого хочется не так сильно, как ты думаешь, – серьезно добавил папа. – И на будущее... Пожалуйста, люби нас потихоньку, по чуть-чуть, а то задушишь чувствами своими. Пойдем, Наденька, чемоданы собирать. Чего ради дочка не сделаешь...

Они ушли, а я стояла, опустошенная, посреди комнаты и понимала, что они правы. Откуда-то из глубины памяти, словно утлой лодочкой из речного тумана молочной спелости, выплывали одно за другим давно забытые словечки, и пока мои губы шептали их помаленьку, я внимательно прислушивалась к их смыслу: *«Любви всегда должно быть чуть меньше, чем хочется... Только тогда и любящий, и любимый будут обращаться с ней как с настоящей драгоценностью...»*

Как же это верно! И опять это были папины слова, выброшенные моим мозгом куда-то на задворки сознания сразу же после того, как я впервые услышала их много лет назад. Как жаль! Как напрасно! Сегодня утром эта простая фраза мне бы очень пригодилась, если бы я помнила о ее существовании, и превратила бы ее в мысль, и сделала бы из этой мысли правильные выводы, и поступила бы в соответствии с ними и так далее и тому подобное...

Господи, сколько же мудрости валяется прямо под ногами каждого из нас! И стоит только захотеть, опыт предыдущих поколений родственников станет залогом нашего собственного

успеха в жизни. Но мы тратим лучшее время своей жизни, чтобы собрать крупички человеческой мудрости, вручную перелопатив горы грязи, разбросанные по дорогам судьбы.

А собрав урожай, уже сами пытаемся преподнести своим детям алмазы собственного горького опыта на блюдечке с каемочкой, чтобы они не повторяли за нами наш трудный путь, и теперь уже сами становимся отвергнутыми своими потомками, как старики, ничего не понимающие в их новой, молодой, современной и, как им кажется, совсем другой жизни...

Воистину не дорожим мы тем, что слишком легко нам дается. Так же как и тем, чего у нас в избытке бывает.

Только спровадив родителей в путешествие, я позвонила Крапивину в больницу.

– Умница! Моя киска свой конверт нашла! – Лешка обрадовался несказанно. Он был в хорошем настроении, кажется, пережил сердечный приступ без осложнений, и собирался выписываться через пару дней.

– Да. Вот в руках держу! Так, значит, письмо для меня? А подписать конверт нельзя было, чтобы я не путалась?

– Тебе должен был все объяснить мой водитель. Мне не до этого было, помнишь, да? Я в реанимации лежал, – оправдывался Алексей.

– Не знаю. Мне твои три конверта тяжело достались. Сначала девушка Настя над твоим письмом плакала, а я вокруг прыгала, чтобы она не родила в моем номере раньше времени... Потом Касулидиса разыскивала, чтобы от второго письма избавиться. Нашла, встретилась, передала. Радовалась, что еще одну твою просьбу исполнила, а он взял и погиб тут же. Что я теперь должна думать?

– Это была авария! Обычный несчастный случай! При чем здесь мы с тобой?

– А что в письме Костаса было?

– Секрет.

– Он разбился насмерть. Мне кажется, я должна знать.

– Никакой связи между письмом и этой трагедией нет! Позже, уже после того, как ты прочитаешь свое письмо... Ммм... И съездишь еще разок на Кипр... Ты узнаешь, Наташечка, ты узнаешь обо всем, что я просил Касулидиса сделать!

Я устала бороться.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, Лешечка. Открываю?.. – Я прижала трубку телефона плечом к уху и намеренно медленно надорвала краешек голубого конверта, чтобы он услышал звук рвущейся бумаги. Вслед за вскрытием «таинственной почты» я уже собралась спросить Алексея о зажигалке с инициалами «А. К.», как вдруг он заявил:

– Стой! Подожди!

– Что такое? Что?..

– Наташа, давай сделаем так. Отложи-ка письмо в сторону. Мы сделаем по-другому. Я приезжаю к тебе праздновать твой прошедший день рождения, и мы вместе...

– Леш, ты забыл? Мы расстались.

– Нет, у меня сердце плохое, а память в порядке. Потерпи еще чуть-чуть, девочка... Не вскрывай конверт! Пусть полежит еще несколько дней. Я сам хочу сказать тебе то, что там написано. Это будет правильно. Я многое обдумал, когда смерть моя рядом прогуливалась... Не хочу, чтобы ты плакала. Или поняла меня неверно... – Его голос казался взволнованным.

Я молча пожала плечами. Может, действительно к лучшему? Поговорить с ним все равно придется. Пусть приезжает, видно же, что не отстанет от меня Лешка, не может он смириться, что все кончено, что я не хочу больше строить «Храм нежных чувств» с другом детства, женатым на другой женщине. Глаза в глаза я и выясню все по порядку... Пусть расскажет, что такого было в конверте, что Костас Касулидис его до дома не довез?... И про зажигалку спрошу... Может, он и про мои разбросанные вещи тоже что-нибудь предположит?

Мне снова и снова слышались слова Савиновой, предупреждавшей меня о неизвестной опасности. Господи, бред какой-то! Я, Лешка, Алла, даже грек-киприот Костас Касулидис – ОБЫЧНЫЕ ОБЫВАТЕЛИ! С нами не должно происходить ничего из того, что случается в книжках и показывают по телику!..

– Ты чего молчишь? Эй? Пожалуйста, зайчика! Солнышко мое, – просил меня Лешка, по-своему трактуя мое затянувшееся молчание.

– Леш, перестань. Солнце на небе, зайцы в лесу. Ладно, приезжай, мне тоже с тобой поговорить надо. В любое время. Я на даче, с сыном сижу, родители на недельку в Париж уехали, а я в отпуске на две недели... Нет, без звонка. Я всегда дома, хотя телефон отключен будет. Только я, Пашка и природа.

– Ты замечательная. А мама какая!.. Я... – Лешка был слишком ласков. Нет! Нет! Нельзя! Уважаемые мужчины, непозволительно так вести себя с женщинами, они же, как Снегурочки, от тепла плавиться, таять начинают.

– Да отпусти же ты меня, как и я отпускаю все ниточки, связывающие меня с тобой. Аминь! – воскликнула я и повесила трубку.

Если бы я знала, что все так получится!

Но раз принято решение, значит, ни шагу назад. Какая романтика, если все истории любви уже описаны в лучших произведениях литературы и киноискусства? Что мы, обычные людишки, можем добавить в коллекцию человеческих чувств, талантливо сыгранных актерами под бдительным оком великих режиссеров, да с применением современных световых, музыкальных и других всяческих специальных эффектов, усиливающих производимое впечатление?

Я сняла видеомэгнитофон с паузы и снова стала смотреть мелодраму, пятую подряд из тех пяти, которые по случайности обнаружили у нас дома, на полке с Пашкиными мультиками, как раз по соседству с детской сказкой про Золушку (ее я тоже, кстати, заодно пересмотрела).

Да, тяжеловато даются сладкие просмотры сказочных сюси-пусиных шедевров, в которых всем Золушкам воздается по Принцу, иногда по несколько сразу, и для этого даже не надо носиться по лестницам, рискуя сломать ногу, и разбрасывать повсюду свои туфельки. Но жизнь, как сказал папа, – это эксперимент по изучению себя. А папу надо слушать. Почему бы не поизучать, пока есть время, чужую Любовь и Ненависть, почему бы не поучиться распознавать в изысканном рисунке этих двух сторон одной медали проявления жалости, эгоизма, зависти, лжи и притворства, слабости и надменности?

– Девушка, сколько стоит видеокассета? – Еще не уехали родители, а я уже заглянула исподтишка в продуктовую лавку, туда, где в уголке между прилавками с молочными продуктами и хозяйственными товарами продавалась видеопродукция.

– Вам что? Боевик, ужастик, мелодраму? – Существо лет двадцати, килограммов под сто, со жвачкой во рту и сережками в ушах в виде рыбьих скелетов, оторвалось от разгадывания кроссворда.

– Мне про чувства, пожалуйста. Про сильные. Такие, чтобы потом в жизни ничего не хотелось.

Я подсмеивалась над собой внутренне, пока девушка серьезно рекламировала имеющийся в наличии товар:

– Вот. Это про месть на почве ревности – за двести рублей. Вот эта – про страсть... Там такое... За двести пятьдесят продается, и то у нас цены божеские.

– Нет, нет! У меня сын дома, что вы. А романтическая любовь у вас почем?

– Вот эта, со счастливым концом, – сто восемьдесят. А со слезами, если две штуки купите, – по сто пятьдесят за кассету отдам.

– Значит, и у вас счастливая любовь дороже стоит... А если всю любовь взять оптом?

– Шуточки у вас... – подозрительно взглянув на меня, сказала продавщица, и рыбы скелеты качнулись в такт ее словам. – Хотя... – Она еще раз оглядела меня сверху вниз и предложила: – Чего покупать-то? Возьмите «Секс в мегаполисе» на пару дней – год потом вспоминать будете. Я сама уже три раза смотрела.

– Да что вы говорите? Давайте все, что тут у вас есть. На все. Гуляем! – Я вывернула свой кошелек наизнанку и попросила: – В целлофан заверните, пожалуйста. Нам любовь не подмоченная нужна!..

Я знала, что жизнь моя совсем ненадолго взяла свой тайм-аут и сузилась до домашних радостей и огорчений, но стоит мне вернуться в Москву, как она обрушит на мою голову полное ведро отнюдь не душистой розовой воды, а всего того, что гораздо быстрее окажется под рукой ее величества Судьбы, особенно теперь, когда я решила сама вершить свою жизнь. Так что неплохо было бы подготовиться. Теоретически.

«Вот тебе! Чувств хотела? Получай. Лучше на чужом опыте учиться. На! Объеешься страстями человеческими и не проси больше никаких эмоций, душенька моя беспокойная. Хочешь – не хочешь, будешь до одури смотреть!» – третировала я себя, вышагивая домой по слякотному снегу, чавкающему под ногами, совсем не женственно заваливаясь на бок от тяжести пакета, переполненного кассетами со всевозможными чувствами.

– Будешь до одури смотреть, как у других это бывает! – приказывала я себе теперь день за днем, включая кассеты с телесериалом «Секс в мегаполисе», и тоска по Филиппу, который по-прежнему приходил ко мне во снах, становилась не такой сильной, а с желанием помириться с Алексеем из жалости, что он больной такой, несчастный, было бороться гораздо легче.

Вот он – секрет женской любви к сериалам! Чем больше погружаешься в созерцание заэкранных человеческих страстей, тем меньше ощущаешь их недостаток в собственной жизни. Сериалы успокаивают и расслабляют, создают у тех, кто их смотрит, ощущение завершенности собственной жизни чем-то таким, о чем мечталось когда-то и что в силу возраста и других причин уже нельзя достичь самому. А с помощью сериала можно. Включил телик – и смотри, как бы было с тобой, если бы...

И еще один плюс сериала перед кино или книгой. Он словно течет в реальном времени, медленно, неспешно, перемежаясь с собственными домашними делами. Можно посмотреть серию и одновременно безболезненно, умело используя рекламные паузы, пожарить котлеты, прополоскать белье, пришить пуговицу и сделать еще целую кучу полезных дел. А закончился просмотр, и согревает тебя мысль, что завтра в то же самое время жизнь не обманет тебя, любимые герои, так похожие на соседей, знакомых и даже тебя самого, снова войдут в твой дом, чтобы прожить на твоих глазах часть своей жизни, полной событий и разных чувств.

И ты спокоен и рад. И не так волнует уже собственная апатия и безынициативность, и можно дальше бездействовать и лежать на диване, поглядывая в телевизор.

А тише едешь, как известно, дальше получится и целее выйдет. У нас, между прочим, в каждой семье и так своих домашних эмоций через край. Зачем нам лишние? Надо будет – сериал посмотрим. Главное, чтобы их производители не ленились, хорошей свою продукцию делали. Мы ведь, даже если из дома дальше соседнего магазина редко выходим, в жизни толк понимаем. Не надо нас за... совсем глупых держать. Старайтесь, господа производители телесериалов. От всех домохозяек, а также их домочадцев (которым тоже хоть одним глазом, но эту тягомотину смотреть приходится) привет вам горячий!

Как-то вечером, в середине срока нашего уединенного пребывания с Пашкой на даче, пока наши родители проходили интенсивный курс увеселительной терапии, свалившийся на их хрупкие плечи из самых лучших моих побуждений, – впитывали в себя восхитительный дух Парижа и фотографировали друг друга на фоне каждой из замеченных там достопримечательностей, кто-то постучал ко мне в деревянную дверь: тревожная дробь – пауза – снова очередь, еще длиннее первой.

Разминая затекшие ноги и усиленно вращая ноющей шеей, я нехотя оторвалась от экрана компьютера и стала спускаться вниз.

– Сейча-ас! Иду-у! Кто там?

– Открывай, открывай скорей! – послышался знакомый женский голос. – И когда уже в вашей глуши появится цивилизация?

– Сметанина?

– Да, я! В следующий раз звонок с собой привезу... Или колокольчик лучше?

Журналистка-издательница Танюха влетела внутрь и захлопнула дверь.

– Фу! Доехала. Вот погода! Ты жива?

– Кажется... А что случилось? За тобой гонятся волки? Или толпа благодарных читателей требует твои автографы? – спросила я «автоматом» и тут же пожалела.

Перепуганная Танька стояла и смотрела на меня. Взгляд ее был жалостливым, почти таким, как тогда, когда меня, царевну-отличницу, распределили после окончания института работать в болото, учить местных лягушат английскому языку, и сомневалась она тогда очень, что в те места когда-нибудь судьба заглянет, чтобы меня обратно на белый свет вызволить.

– Что? Что не так? Меня никто, кроме Пашки, не видит, чего косметику попусту тратить? – пробубнила я недовольно и волосы на затылке стянула покрепче в знак полного несогласия с ее жалостью ко мне. Но сегодня Танюху волновал не мой внешний вид, а что-то другое.

– Ты... Не знаешь?

– Зз... знаю. – Теперь я испуганно заморгала, сопротивляясь на всякий случай. Я не желала слушать никакие новости, которые могли бы вывести меня из сладкого состояния домашней заторможенности. – Ннне надо. Я... Я не любопытная. И вообще-то знаю все, что в настоящий момент может мне понадобиться. И не хочу знать ничего другого! Ннне хочу!

Танька открыла рот, постояла так, задумавшись, заглянула за мою спину, поворачивая головой направо, налево и... ничего не сказала. Чувствовалось, что не ожидала она почему-то увидеть в моем доме картину полного покоя, оторванности от цивилизации, отрешенности от внешнего мира, сосредоточенности на семейных буднях. Загруженная под маковку утешительница многочисленной аудитории журнала «Остров женщин» однозначно прилетела в подмосковную глушь с какой-то важной целью, но я убедила ее не говорить мне с какой. Легко так уговорила.

– Тебе... не звонили? – только спросила она, между прочим.

– Нет. Мой телефон в отпуске. Отключен. У нас в доме свои новости – сегодня, например, званый ужин. Так что присоединяйся... Эй, вы там, наверху! Мы есть хотим! Марш картошку чистить!

– Кто там? – спросила Танюха, продолжая стоять у двери и выглядеть озадаченной.

– Проходи. У меня там кавалеры высшей пробы.

– ?..

– Я надеюсь, ты не забыла надеть вечернее платье? В меню – картошка и колбаса, устроит? А вот и повара. Прошу любить и жаловать. – Я представила ей мальчишек, по перилам съехавших вниз один за другим. – Павел. Мой сын. С ним ты знакома. А это Сергей – соседский внук. Он сегодня специально отправил бабушку с дедушкой в Москву, в театр, чтобы остаться с нами наедине, да, Сергей Васильевич?

Малыш стоял, внимательно разглядывая странную тетю в шубе и кроссовках, с сумкой через плечо, из которой торчали какие-то журналы и газеты.

– Тетя, вы почтальон? – спросил Сережка, не удосужившись ответить на мой вопрос.

– Нет. Тетя – журналист. Скажи. ЖуРРРналист, «ррр»!

– Кажется, ты ку-ку! – Так и не улыбнувшись, Танюха повертела пальцем у виска и стала скидывать свою верхнюю одежду прямо на пол. С трудом стянула с себя кроссовки, бросила там же у входа сумку и прошла в дом. В старых джинсах, толстом белом вязаном свитере с

огромным воротником, поверх которого был надет пиджак ярко-зеленого цвета. – Так... – протянула она, оглядывая неприбранные комнаты одну за одной и похлопывая себя по огромным накладным карманам. – Что это у вас тут происходит?

– Ничего, изучаю сына. Как ты велела, – шепотом ответила я, прогоняя мальчишек на кухню накрывать на стол.

– И?..

– По-моему, я нашла к нему подход. Ты знаешь, такие результаты потрясающие! Мы с ним ролями поменялись. Он у нас взрослый, а я веду себя как маленькая. Ты уж поддержи меня, не смотри как на чокнутую. А я тебе за это на компе погонять дам, хочешь? Или фантик от жвачки подарю! Классный, ты что, не отказывайся...

– Ты сошла с ума. Точно! – послышалось из моей комнаты после недолгого молчания. Ясно, Танюха прочитала названия слащавых мелодрам на обложках видеокассет, разбросанных там повсюду. – Что это?

– Ликбез.

– Слово «дурдом» сюда больше подходит. Расскажи лучше, тебе Алла звонила? – спросила Танюха, заглянув зачем-то за штору. – Рассказывай. Я в курсе.

– Да? Ты о зажигалке? Она не моя. Ошиблись там, наверное. Пошли ужинать, зовут.

– Так как его зажигалка могла попасть в твой номер? Ты Лешку спрашивала? Ну? – Танюха, слава Богу, имела совесть и снова стала настаивать на ответе, только когда я уже провозжала ее домой, сытую, убаженную, но совсем не повеселевшую.

– Нет. Не спрашивала. Он должен приехать на днях, тогда попробую. Чего вы с Аллой ко мне пристали? Мало ли людей с такими инициалами?

– Лешка... Должен приехать, говоришь?.. – Танюха поникла совсем, даже споткнулась, перешагивая через порог. – Ладно, я пойду. Живи пока потихоньку, наслаждайся. Правильно, что мобильник выключила.

– Ты же только что ругалась, что я исчезла из вашего поля зрения?!

– Да это я так, в целом. Устала. Знаешь, номер сдавали на прошлой неделе, рекламы не хватило, пришлось еще материал добирать, на ходу сочинять.

Наконец Танька устроилась за рулем и завела машину.

– На. Вот он. Свеженький. Из типографии. – Она протянула мне через окошко толстый бумажный «кирпич». – Здесь две моих статьи. О пользе покупок и еще одна... Тебе понравится. Иди, дверь закрой и читай.

Танюха в последний раз многозначительно повела своими шикарными черными бровями вразлет и умчалась восвояси, увозя с собой свою нераскрытую тайну. Но я даже не собиралась теряться в догадках какую, я просто пошла домой, разглядывая по пути обложку журнала «Остров женщин», где значился заголовок Танькиного очередного шедевра: «*Как стать счастливой. Инструкция по эксплуатации собственной жизни*». А рядом сверкала улыбками фотография двух страстно влюбленных друг в друга молодых человека. К счастью, разного пола.

Нет уж, увольте меня от такого чтения. У меня будет другая жизнь, а значит, мне нужна другая инструкция по моей эксплуатации.

...Танюха проехала по пустынной улице дачного поселка, свернула в темный перелесок, предварительно перекрестившись, промчалась по кочкам еще двести метров, скорее туда, на показавшийся среди деревьев просвет. Минуту спустя она остановилась посреди огромного заснеженного поля и вышла из машины. Нет, старенький «Запорожец» сегодня не капризничал, в его обычном дребезжании чувствовался некий задор, словно он старался побыстрее добраться до дома и встать наконец в свой просторный теплый гараж, который достался ему по наследству от разбившегося вдребезги шикарного (по сравнению с ним) автомобиля марки «Волга».

Дело было совсем в другом. Сильный ветер стих, сумев наконец разогнать надоевшие всем стаи серых туч, на неделю застрявших над столицей и областью, и теперь круглолицая небесная красotka луна разгуливала по огромным просторам черного бездонного неба, совершенно не стесняясь своей прекрасной естественной полноты. Для коренной москвички, годами не покидавшей свой любимый город, развернувшаяся перед ее глазами великолепная картина живой природы стала настоящим откровением.

«Когда же я в последний раз неба-то так много видела?» – стала вспоминать Танюха и поняла, что очень давно. Тогда она была еще молодой и наивной, ходила на свидания не в дорогие рестораны и ночные клубы, а ездила с милым на троллейбусе на темные лавочки Нескучного сада.

А звезды...

В городе их совсем не бывает видно. За долгую жизнь в свете уличных фонарей и квадратиков зажженных окошек домов она, оказывается, успела забыть, как выглядят звезды. Но может, теперь и вспоминать не стоит? Зачем взрослым, твердо стоящим на ногах людям – звезды? От них только в головах мечты разные появляются... Мешают они, мечты эти, под ногами путаются...

Танюха Сметанина ухмыльнулась своим чудесным мыслям и занялась тем неотложным, что было никак не связано с пейзажем зимней ночи и с черными небесами, усыпанными звездами, необходимыми лишь астрономам, чтобы их считать, да астронавтам, чтобы к ним летать. Она долго тыкала пальчиками по кнопкам и набрала наконец короткий текст сообщения для Анютки, в котором признавалась, что ничего мне...

«...сказать не смогла. В доме спокойствие. Оставила ее так до понедельника».

«Что ж... Я скажу ей потом. Сама. Все равно уже ничего не изменишь...» Анютка, проинформированная о чем-то Танюхой в современной, предельно лаконичной форме, выключила свет в гостиной и подошла к окну.

По старинке руками она раздвинула шторы, впуская лунный свет, тоже не изменивший свой окрас за последние миллионы лет, и на ум ей почему-то пришли несовременные стихотворные строчки современного автора по имени Наталья Лапушкина, которые та прочитала ей как-то, стоя у окна, босиком и в одной ночной рубашке, так же, как она сейчас.

*...Что наша жизнь? Игра!..
О да! Никто не смеет спорить...
То взглядами, то росчерком пера,
то жестами, то словом в разговоре
мы все играем, забавляя ум,
по правилам то горестным, то сладким,
пытаемся сквозь ворох наших дум
познать себя...*

Но даже если звезды зажигаются потому, что это кому-нибудь нужно, а мечты необходимы людям, чтобы оставаться людьми, скажите, какой может быть прок от долгого изучения висящего в небе одинокого лунного блинчика?

Ни прока, ни толка. Один смысл. Но большой. Великий даже.

...Была суббота. Оставался один день до приезда родителей. Больше ни разу не разговаривая ни с кем из внешнего мира, кроме продавцов из продуктовой лавки в поселке, Пашки и соседского ребенка, пятилетнего Сереньки, который заставлял свою бабушку приводить его к нам в гости каждый день, я с удовлетворением осмотрела свои владения – все вокруг сверкало чистотой – и села за стол напротив сына, уткнувшегося в учебник.

По горячим следам всех своих переживаний последнего времени и ввиду наступающей новой рабочей недели я решила определиться по-серьезному, а не так, как предлагалось Танькой в ее журнале: «Будьте красивы, улыбкивы и ненавязчивы, и ваше счастье, которое бродит где-то рядом, не побоится вас отыскать само».

Больше всего в этом лозунге американского толка мне нравилось последнее слово, жаль, я понимала, что именно его надо в первую очередь исключить из своих планов на будущее. Потому что «само» в жизни ничего не делается и при ближайшем рассмотрении в любом процессе обязательно кто-то участвует. Сам. Или сама.

Я взяла лист бумаги, ручку и старательно вывела вверх страницы свою версию заголовка на заданную тему: «Правила, соблюдая которые можно *самому* найти свое счастье, как бы оно ни сопротивлялось!»

– Слышишь, Паш? Я тоже не бездельничаю – инструкцию пишу, – похвасталась я, подчеркивая слово «самому» красной ручкой.

– Это зачем еще? – недовольно спросил сын, переворачивая страницу. Он спешно доделывал домашние задания, чтобы дедушка с бабушкой не ругали меня за его невыученные уроки.

– Ты знаешь, как надо себя вести, что надо делать, чтобы стать человеком?

Сын скривился, будто я заставила его съесть дождевого червяка, но задумался. Я видела, как замерла его рука, не дописав в слове пару букв.

– Я тоже не знаю. А хорошо бы выяснить... – Перенимая замечательный опыт Аллы Савиновой, я принялась размечать правую сторону листа сверху донизу: один, два, три и так далее по порядку до семнадцати. (Конечно, ведь план на жизнь должен быть основательным, может и не хватить одного листа бумаги, чтобы изложить его хотя бы вкратце...) Взяла еще один и продолжила в том же духе: восемнадцать, девятнадцать... двадцать пять...

– Так. Что вы тут делаете? – с серьезным видом заглядывая мне через плечо, спросил, залезая на соседний стул, Сережка. – Считать учитесь?

– Нет, милый, думаю, как жить, чтобы мои мама и папа, Пашка и ты вот мной гордиться стали...

Сергей развернул фантик, засунул сосательную конфетку за щеку, вынул, зачем-то посмотрел на нее, отправил обратно в рот и спросил:

– А чего вы уже написали, кроме цифрррр?

– Ай, какая замечательная у тебя буква «эр» получилась! – похвалила я Сереньку. – Вот бабушка будет рада, когда услышит.

Малыш от своего не отступился.

– И что? – снова переспросил он, хмуря брови, и мне пришлось прочитать ему вслух.

– Пункт первый. – Пусть и Павел послушает. – *Перестать мечтать обо всем сразу.*

– Моя мама тоже говойит, нужно мечтать об одном подайке на день ррррождения, а не обо всех игрррушках сразу... – Сережка подумал и добавил, широко разведя руками: – Я всегда мечтаю о чем-нибудь аг-йооомном! – И дальше шепотом: – Мне же, знаете, столько всего нужно!!! Я же еще маленький, и у меня почти ничего нет...

Он обиженно выпятил нижнюю губку и снова развел руками, так смешно, что трудно было не рассмеяться, но я сдержалась, взяла ручку и, переводя слова маленького гения на письменный русский, с удовольствием дописала в первый пункт плана: «Оставить одну-две большие цели (мечты), желательно такие огромные, чтобы не промахнуться, когда целиться буду, и четыре-пять небольших и легко осуществимых, чтобы не впадать в тоску и депрессию, пока стрелять по большим придется».

А Серенька уже загибал второй измазанный карамелью пальчик:

– Два. Пишите. Добойое дело. *Надо каждый день делать хотя бы одно.* Так бабушка мне говорит. Но у меня вот не всегда получается... – вздохнул он, вытирая ручки о брючки.

– У меня тоже. Но мысль хорошая, да, Паш? – Я подмигнула насупившемуся сыну и законспектировала сказанное.

– Еще надо, тетя Наташа, когда бейешь у других игрушки, самому тоже давать. Даже если не хочется...

– Надо, Серень, ой как надо. «Не бери от жизни все, тебе же хуже будет». Так? – улыбнулась я недовольно насупленному сыну, а сама быстренько записала другое: *«Давай другим все, что ты можешь, а бери от них только то, что тебе действительно необходимо»*.

Между тем Сережке уже наскучило смотреть, как я вожу ручкой по бумаге, и он стал слезать со стула на пол.

– Эй, маленькое чудо, куда же ты? Я же без тебя не смогу... Иди помогай. Хочешь еще конфетку? – останавливала я его, и он серьезно изрек:

– Бедные взрррослые! И минуту без детей своих не можете. – Пятилетний старый дед по имени Сережа ворчал и кряхтел, залезая на прежнее место. – Давайте уже вашу конфету. И еще одну для него. Хочешь, Паш?... Ну ладно, чем еще помочь?

Я пожала плечами.

– Сами не знаете, чего вам надо, – подытожил Сергей и окончательно слез со стула, уже через минуту забыв обо мне и моих проблемах, которые он, между прочим, почти решил.

Дальше дело по составлению инструкции по эксплуатации собственной жизни пошло быстрее. Пункт пять: *«Знать, чего ты хочешь»*. Пункт шесть: *«Стараться и стремиться»*. Пункт семь: *«Любить жизнь такой, какая она есть, потому что это все, что у тебя есть»*. Пункт восемь: *«Не оглядываться назад, не жалеть о том, что было, если это нельзя изменить»*. И так далее. И тому подобное.

Я понимала, что ничего нового не придумала, а просто изложила всем известные умные размышления, к тому же сбивчиво и не по порядку, – не важно. Зато теперь в моем распоряжении был не просто винегрет из чужих мыслей, не уместающийся в голове, а свод самых важных законов на свете. Почему самых важных? Да потому, что я их сама для себя вывела, вот почему.

– Мам, – сказал Пашка, со вздохом взглянув на мои листочки, – зачем тебе это? Ты же взрослая и так все знаешь...

– Эх, Пашка, если бы взрослые хоть что-нибудь в этой жизни понимали...

Сын явно не поверил мне, но я решила его не переубеждать. Вырастет, сам поймет, как трудно быть взрослым. Поймет, что иногда мы согласны на очень многое, лишь бы собрать себя из мелких кусочков в единое целое, чтобы завести все-таки свой внутренний моторчик и направить колеса в нужном направлении... Вот и я дожила до того момента, когда была готова сделать все, чтобы сочинить мелодию своей жизни, правда, пока еще мечтала сделать это не абы как, а *из максимального количества нот, не пропустив ни одной!*.. А как такое трудное дело с места сдвинуть, если не тщательной подготовкой?

– Да уж, люблю все по полочкам, по пунктикам... – задорно ответила я, потрепав его по челке. – Так жить веселее, когда умную мысль не надо в голове своей разыскивать. Они там вечно с глупыми перемешиваются, иди пойми – где какая? А так взял бумажку, прочитал и вспомнил, как жить, что делать...

– Также мне пошутила... – хмыкнул Пашка. – Я думал, люди пишут себе правила, инструкции всякие, чтобы они висели и надоедали всем, кто мимо проходит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.